

Людмила Кулагина

Да будет день!

Людмила Кулагина

Да будет день!

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178419
Да будет день!. Стихотворения: Тамбов; 2007
ISBN 978-5-88934-322-6*

Аннотация

Настоящее издание является первым изданием автора – Сергеевой Людмилы Ивановны: в память о родителях и трагически погибшем брате сборник публикуется под девичьей фамилией автора – Кулагиной. Она получила образование филолога, позже окончила аспирантуру по психологии и затем все последующие годы преподавала психологию в ТГУ им. Г.Р.Державина. По совместительству работала практическим психологом в средней школе и в ЦРиСАД в городе Тамбове.

Название сборника «Да будет день!» многозначно для автора. Это и отражение её переживаний, связанных с драматическими событиями жизни – потерей близких, родных людей; и пережитой ею смертельной опасности. Это также её надежды и мечты о завтрашнем дне. Это и упование на изменения к лучшему в родной стране. И благословение каждого нового дня жизни. Для автора этот сборник является также благодарностью всем тем, кто поддерживал её в трудные, скорее, даже «чёрные» дни жизни.

Содержание

Предисловие	4
Путь к себе. Призвание. Судьба	9
Воспоминания о детстве	51
Искусство. Творчество. Красота	58
Времена года и настроения	72
Простые радости жизни	121
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Людмила Кулагина

Да будет день!

Предисловие

Поэзия – самый надёжный способ вырваться из повседневной житейской лжи в небесные просторы высочайшей Правды. Именно поэтому пафосная, лживая поэзия просто невозможна. Если она всё—таки бывает, то это подделка под поэзию, её видимость, может быть, даже талантливая. Впрочем, нет, подделка талантливой быть не может. А всякая Правда, вырвавшаяся в поэзию, изначально талантлива.

И вот перед нами – истинный поэтический сборник, вырвавшаяся в Поэзию Правда. Его автор ещё неизвестен как поэт. Это его первый опыт, но опыт достаточно трудный и ёмкий. Очень интересный, богатый фактами и мыслями. Он, безусловно, должен выйти на простор и найти себе читателя, потому что читателю нужен такой собеседник, спутник, человек, во многом похожий на него самого.

Автор сборника, названного «Да будет день!» – женщина. Немолодой её не назовёшь, хотя она постоянно подчёркивает свой зрелый возраст и некоторые особенности этого жизненного периода. Это – не просто ещё молодой человек, это панхронически молодая особа, глубоко чувственная, аб-

солютно честная, смелая, видевшая в лицо смерть и испытывавшая немало жизненных радостей. Прямо скажем – счастливая! Счастливая, несмотря ни на что!

Ей есть, что сказать, может быть, даже «в лицо ударить». И она это делает, уча так же поступать других. Катарсис (очищение) от чтения стихов Людмилы Кулагиной – необыкновенный, зовущий, вызывающий слёзы и смех, желание найти в себе созвучия пережитого автором. И это свидетельство подлинной поэтичности сборника «Да будет день!».

Что заставляет автора писать стихи и стремиться издать написанное? Думается, это то, что описывается вот так:

«...И, может быть, кто—то, немного похожий,
Узнав, как по жизни металась душа,
В такой же апрельский денёк непогожий,
О жизни задумается, не спеша...».

Да. Если можно сказать что—то важное, нужное, полезное для другого человека, нужно сказать... И о дочери, живущей так далеко, и о брате Жене, погибшем в родном городе так нелепо и жутко, и о хлопотах насчёт пенсии, которая до ужаса минимальна, хотя человек (автор) работал усердно и долго, и о стране, которая не слишком заботлива и справедлива, и о возрасте, который так некстати и не вовремя пришёл на место кипучей страсти, и о Боге, от которого нельзя ни на секунду отдалиться: кроме Бога нет у нас, у нашего народа, страны, никого и ничего.

Словарный запас у поэтессы богат до бесконечности. Иногда мысль рождает слово, а иногда слово — целый каскад рассуждений, завёрнутых в изящные, полупрозрачные ткани поэтом — затейливых образов (аллитераций, тропов, паронимов). Всё это чудесно! От стихов госпожи Кулагиной не устаёшь. Их даже не хватает, хотя сборник весьма напряжён по объёму и, ясно, обойдётся автору в копеечку, потому что издаёт его автор сам, на свою минимальную пенсию, сэкономив на том да на сём, вовсе не лишнем.

Когда—нибудь стихи Людмилы Кулагиной будут печатать дорогие издатели. Поди, ещё перессорятся из—за рукописей и прав их издавать. А пока — почти самиздат, правда, с надлежащими метками (на случай плагиатов). С нас и этого хватит. Мы бы и ещё заплатили, если нужно. Жизнью! Другого ничего нет!

Доктор филологических наук, Владимир Георгиевич Руделёв профессор, заслуженный работник Высшей школы, член Союза российских писателей

Себе, когда грущу и жизнь едва тащу

Воспеть сиюминутность, повседневность, —
Вы скажете, — заслуги в этом нет.
Когда тоскую, обижаюсь, даже гневаюсь,
Про лотерейный забываю я билет,

Который, будучи действителен, играет.
И лишь поэтому ещё пока живу,
Но, может быть, на самом жизни крае,
И день назначен с Богом randevu.

Нам не дано знать это время, дату,
И день сегодняшний последним может стать.
Подумаю об этом я когда—то.
Пока же буду календарь листать,

Где каждый день покажется мне чудом:
Ведь и его уже могло не быть.
И жизнь моя — лишь высших сил причуда.
И дай мне, Бог, об этом не забыть!

Я думаю о том, кому нужна стихия
Стихов, их рифм и ритма плен?
Зачем сама—то, собственно, пишу стихи я?
Ведь то, что живо, – будет завтра тлен.

Пытаясь избежать забвенья смерти,
Не исчезай, прошу, миг жизни, задержись!
В бессмысленной нелепой круговерти
Стихами словно удержать пытаюсь жизнь.

Но жизнь течёт, течёт водой сквозь пальцы.
И что останется от нас, когда умрём?..
Но в будущее наше, сколь ни пьяться,
Ты даже точку не рассмотришь в нём.

Что за шаманство – стихо—сотворенье?
Зачем тома стихов, где сонм теней?
Но я пишу, пишу стихотворенья,
Чтоб после жизни всё ж остаться в ней.

Путь к себе. Призвание. Судьба

Когда—то выбирала я свои пути—дороги,
Не к тем прислушиваясь сердцем голосам.
Мне диктовали: долг, необходимость и тревоги, —
Казались значимей они судьбы весам,

Чем жалкие потуги вдохновенья:
И ум ещё не развит был, и опыт мал,
Влиянье на меня имели чьи—то мненья,
И дух мой сам себя тогда не знал.

Одна лишь страсть, о коей не жалею
(И этот грех от ближних нынче не таю:
Запойным чтением я с юности болею),
Мне помогла сквозь мрак нести мечту мою.

Теперь, мне кажется, я знаю, что от жизни
Мне нужно, чтобы в ней счастливой стать:
Жизнь внутреннюю отражать свою, как в призме,
А это значит – мыслить, чувствовать, писать.

Не так существенно, на выходе что будет —

Стихи иль проза, публицистика, роман.
Надеялась на память лет, что не забудет
Она весь этот чувствами расцвеченный обман.

Откладывала вновь и вновь я срок призванья
И занималась чуждым духу ремеслом,
В своём боясь быть гостем самозванным,
Гребла то вкривь, то вкось одним веслом.

Меня, скажу по совести, и заносило:
То в грусти омут, то в отчаянья затон.
Распутав водоросли и собравшись с силой,
Плыла опять я в мир идей, где был Платон.

Предполагаю, промыслительно то было —
Сомненье, выжиданье. Долгу дань
Я отдала профессией, легко её забыла. —
Судьбы моей уже скудеет длань.

Теперь, как никогда, к своей судьбе причастна, —
Её программа не простит мне больше сбой, —
Я только—только постигаю это счастье:
Позволить наконец—то быть собой.

*Зарытому таланту и кумирам,
Атлантам, звёздам, жизни «чёрным дырам»*

Кариатидою смотрю на вас, атланты,
И умиления не скрываю больше слёз.
Господь и мне когда—то дал таланты,
Но я зарыла их на сорном поле грёз.

Теперь откапывать хожу я их ночами —
На кухне собственной, орудуя пером,
Отмаливая грех стихами и свечами,
Пока не подогнал свою ладью Харон.

Господь наш щедр, рабы его ленивы.
Рассеян взор был мой, соблазн в себе тая.
Я что—то сеяла, но так скудны поливы.
Сегодня урожай свой собираю я:

Художник из меня не получился.
Не вышел от науки кандидат.
Фотограф был, но, видно, отлучился.
Поэт – неискушённый, как примат.

Но всё ж я ремесло свое не брошу.
Пишу, годам и мненьям вопреки.

Теперь не надо быть ни для кого хорошей.
Симпатий нет у Стикса, у реки.

Она уносит всех равно бесстрастно.
И не исчезнет в ней бесследно лишь атлант.
А я пишу – «о жизни тленной и прекрасной»,
Вернуть трудом пытаюсь преданный талант.

Я постигала звукопись стихов.
Они ко мне приходят тайно ночью.
А поутру, освобождаясь от сна оков,
Я собираю их осколки, клочья,

Чтобы сложить в причудливую былль
И незеркально отразить реальность,
Пока мой мозг реакций не забыл
На форс—мажор и просто на банальность.

Как бусы нижутся, к словам слова
Подходят иль меняются местами,
Их извлекает из шкатулки голова,
А я нижу безмолвными устами.

Останется замочком их скрепить —
Метафорой или неожиданным словом,
К чьему—нибудь вниманью прикрепить,
Чтоб заиграли смыслы блеском новым.

Программное

Пора б у жизни взять тайм—аут —
К едрёне—фене все долги!
Они добьют меня, нокаут
Не за горами. И не лги,

Что изменить судьбу сумеешь
Потом, свой быт послав к чертям,
Страх перемен преодолеешь.
Вот Рубикон – твоя черта.

Брось всё, чтоб жизнь начать с начала,
С того, столь памятного сна,
Где, невесомая, летала,
Держась за краешек листа.

Там текст печатный был, я помню,
То ли стихи, а то ль роман,
Я улетаю от погони,
Внизу оставив жизнь—обман

С её иллюзией свободы,
Мгновеньем счастья, бездной бед.
Пора взлетать – проходят годы
В бескрылой суетности лет.

Пора подняться мне над бытом,
Удрать с сизифовых работ,
Пока не выросли копыта,
В совсем иной водоворот,

Где мысли о насущном хлебе
Не превращают в жвачный скот,
Где белой чайкой в синем небе
Отмечен будет их полёт,

Где свежих ветров дуновенье
Развеет сонную печаль.
На лёгких крыльях вдохновенья
Ты воспаришь в родную даль,

Ту, что во внутреннем пространстве,
В твоей душе заключена.
Прощай же, рабье окаянство,
Судьба моя предрешена.

Писать! Прислушиваясь к сердцу.
Все сроки вышли, так спеши!
Но помни, в мир открывши дверцу:
Ведь он – лишь зеркало души.

Мои стихотворения —
Причуды настроения,
Мечты и упования
И разочарования.

Они приходят строчками,
Цепляются крючками
За душу и сознание.
Они – моё призвание,

Как выяснилось – раннее,
Да выявилось ранами,
Мне жизнью нанесёнными,
К смертельным отнесёнными.

По—новому, воскресшая,
Сквозь мрак свой крест пронесшая,
Пою теперь о жизни я —
Возвышенной и низменной,

О грусти, лете—радости,
О вере в Бога, старости,
О том, как солнце всходит,
О том, что всё проходит.

О, волшебство поэзии, где слово превращает
В кристаллы образов унылое житьё,
И райское блаженство обещает,
И горя прошлого дарует забытьё!

И тянется душа вослед за словом
К возвышенным чертогам неземным,
Дни жизни озаря светом новым
И смыслом наполняя их иным.

Коротко о себе

Не Анна, не Марина я, а Люда.
Изысков не найдёт в моих стихах гурман.
Простое, незатейливое блюдо
На полдник жизни готовлю вам.

Образованье – высшее. Партийность – никакая.
Свободе духа массовость претит.
Лишь настроению минуты потакая,
Пишу стихи. А кто мне запретит?

Работала психологом когда—то.
В себе самой чуть—чуть разобралась.
Духовной брани мы нестойкие солдаты.
Лишь к власти над собой всегда рвалась.

Читала много. – «Чтоб не мыть посуду».
Вклад не вносила в чистоту рядов страны.
Любила жизнь. Кляла её, паскуду,
Когда беда грозила с каждой стороны.

Ждала чудес. – Ну, обчиталась в детстве сказок.
Они и были, да ждала совсем не те.
Но сверху светлых не было на то указов.
А потому жила в душевной темноте.

Но не совсем. Надежда—то светила,
Хоть свет её был слаб, чуть не угас.
Фортуна колесом как накатила, —
Немолодой уже, явился мне Пегас.

Мы с ним на пенсию одну мою, однако,
Ох, сомневаюсь, ничего, мол, проживём.
Чужую плюс кормлю ещё собаку,
Платя за гуманизм своим рублём.

Друзья—подруги – им свои стихи читаю, —
Мне говорят: пора публиковать.
Я соглашаюсь, а в уме себе считаю,
Кто сколько раз займы мне мог бы дать.

Вслух не прошу. – Ишь, гордая какая!
Ну, и сиди себе, не знаема никем.
Уж лучше так, чем жить в долгах, икая.
От славы в двух шагах. А, может, вдалеке.

Бывают состояния такие иногда,
Что строчки сочиняются, рифмуясь сами,
Загадочной вдруг кажется вода,
И миг отмерен вечности весами.

И надоедный лай собаки за окном
Становится иным по форме и по смыслу,
И пыльный угол посетит волшебный гном,
И изменяется течение чувств и мыслей.

Но тонкая материя мгновения хрупка.
Вот ход часов её прервал, и он – реальность,
Хоть не было ни жеста, ни хлопка,
Мгновенно изменившего ментальность.

Во мне два мира существуют врозь.
В одном всё ясно: здесь часы, собака
Настойчиво выпрашивает кость,
Труся за женщиной до мусорного бака.

Здесь голубь никакой не символ ничего,
Здесь голубь – просто голубь и не боле.
И можно семечками покормить его
И посочувствовать нелёгкой птичьей доле.

Всё в этом мире есть: и звуки, и цвета,
И чувства есть, и славные мгновенья, —
Есть жизнь, но всё равно она – не та,
Какой её представит вдохновенье.

Не по случайности, его основа – вдох,
На выдохе – другие ощущения.
И не сказать, чтоб мир, как таковой, был плох,
Но в нём – опасность скуки пресыщенья.

Лишь отстраняясь на время от себя,
Утратив столь привычную пристрастность,
Ничей учитель, и ничей судья,
Иную к жизни чувствуешь причастность.

И невещественное что—то там, внутри.
В том месте, что душой у нас зовётся,
Взывает к жизни, рвётся – отвори! —
И успокоится, коль в слово облечётся.

От добра добра не ищут.
Есть и кров над головой,
И хоть скромная, но пища,
И луга с цветком—травой.

Есть ещё подруги—книги,
Телефон для срочных слов,
Когда душу гнут вериги,
Словно выюки у ослов.

Тяжела своя поклажа,
А чужая, словно пух.
Жив пока, кустится лажа,
А помрёшь – в репьях лопух.

Всё чего—то улучшаем —
Внешность, статус, ум и быт.
Суе́тимся, поспешаем,
Пыль летит из—под копыт.

Рвёмся выбиться мы в люди,
За границы улизнуть.
Сколько сыграно прелюдий,
В эпилоге чтоб уснуть.

От добра добра не ищут,
А что есть – то берегут.
От добра стихов не пишут,
В них от хаоса бегут.

Кто пережил смертельную опасность,
Тот ежедневную хвалу возносит Богу,
Благодаря за боль, и день ненастный,
Туманом, тьмой покрытую дорогу.

Кто в суете и ложных попеченьях
Не слышал гласа своего призванья,
Своей души постигнет назначение
И вверит Богу поздние признанья.

И оживут дремавшие таланты,
И с верой теплота души не стынет.
И выйдут балериной на пуантах
Из закулисья радости простые:

Весна, тепло, трав и деревьев зелень,
И вдохновенья плод в стихах и прозе,
Предчувствие чудес и сказочных везений,
И вновь бутон на засыхавшей было розе.

Моя проснулась летаргическая муза,
Почув, что пора, что впереди – закат.
То ли уздцы ослабли, то ли – узы,
То ль осознала безвозвратность я утрат...

Мой дом в пыли, совсем заброшен.
Здесь паутина по углам
Развешена, как будто броши,
И беспорядок, и бедлам.

Меня на чтение лишь хватает
И на стихи, что по утрам,
Когда на кухне сумрак тает,
Пишу – настала их пора.

Они теперь мне слаще мёда.
Всю жизнь к стихам своим я шла.
Своё взяла в годах природа, —
В навозе жемчуг я нашла.

Пылятся всюду книги, вещи,
И хаос в кухне на столе...
А я пишу – мне сон был вещий, —
Чтоб наверстать бесплодность лет.

Подражание А.С.Пушкину

*Навеянное Пушкиным
Между мытьём и сушками,
Меж шпонками и глажками
«Головке с таракашками»*

Мне Шестикрылый Серафим
На перепутье не являлся,
То ль разминулися мы с ним,
То ль он в потёмках обознался,

Не мне сказал: «Глаголом жги
И восставляй сердца из пепла.
Не бойся, не проси, не лги.
А чтоб душа твоя окрепла,

Ты верь – с тобою я всегда
Неразлучимо рядом буду»...
Так рассуждала я, когда
На кухне стала мыть посуду,

Колонки газовой боясь,
Что вдруг от ветхости взорвётся,
И на соседа слева злясь:
Сосед стучит. Водичка льётся,

А я опять в плену у рифм,

Остановить поток безвластна.
Гори, колоночка, гори,
Ты, как и жизнь моя, опасна.

Придёт на ум одна строка,
И я – к листочкам от посуды,
Но не додумалась пока,
Строка пришла ко мне откуда.

Быть может, Ангел мой шепнул,
А, может, и другая сущность,
Тогда кричите: «Караул!» —
Та вряд хорошему «наушит».

Но всё ж, нескромная, я лъщу
Себя обманчивой надеждой:
Когда болею иль грущу,
Незримый, в кипенных одеждах

Со мной мой Ангел. Мой обман
Во тьме мне скрашивал дорогу.
Храни меня, мой талисман, —
Мой Ангел, приданный мне Богом.

Не спится, но пишется

Я расскажу тебе, как пишутся стихи.
О, творческий процесс своеобразен очень.
К больным суставам приложила на ночь лопухи,
Намеревалась спать сегодняшней я ночью.

Но после трёх Петрович разбудил,
Перелезая через сонную меня, мослами
Мои он кости хрупкие едва не раздавил.
А дальше ночь опять к Морфею нас послала.

Он лёг и захрапел, себе не дуя в ус
(Их нет, усов, и потому он в них не дует).
Лежу, но признаков бессонницы уже боюсь,
Встаю, беру блокнот и в кухню иду я.

И там сижу себе до птичьих голосов,
И дням прошедшим сочиняю эпитафию.
Не отношу себя к бессонной группе «сов»,
Но дорога мне дней минувших биография.

И вот уже – да здравствует рассвет!
С мешками в зеркало глядит физиономия.
Расставлены зато и многоточья все,
Да и в снотворных тоже будет экономия.

Я умерла и заново воскресла.
Теперь с трудом я понимаю тех,
Кто держится за деньги, власть и кресла,
За дым сиюминутности утех.

Открылась мне сермяжность правды жизни —
Живём СЕГОДНЯ мы – воистину лишь день.
А память и мечты, по сути, эвфемизмы,
ВЧЕРА и ЗАВТРА – жизни только тень.

Не буду я с собой теперь лукавить:
Как мало – не в годах, – а в ДНЯХ жила.
Мой день сегодняшний – вот пробный камень
Той жизни, что годами я ждала.

И если боль в ней радость перекроет,
Терпи, пройдёт, не вечна и она.
На жизнь свою грешу ещё порою,
Забыв, что жизнь – как чудо – ведь одна.

Другой, в Писанье сказано, не будет.
Живи в реальном, а не вымышленном дне.
О том, что «было», «будет» – люди судят.
«Здесь» и «теперь» всё ближе, ближе мне.

Жить, чтобы жить

С утра никуда не спешить,
Не думать о целях и смыслах,
А жить просто так, чтобы жить,
Чтоб чувствовать, помнить и мыслить.

Я роскошь такую могу
Себе наконец—то позволить.
Общественному пирогу
Я дань отдала, и неволить

Мне душу теперь ни к чему,
И очень я этим довольна.
По сердцу лишь жить, по уму —
Вот счастье сегодня мне, вольной.

Пусть ложные солнца, огни
Морочат других, манят в бездну.
А я проживу свои дни
Свободною и бесполезной.

С утра уж задастся мой день —
В окошко мне солнце посветит,
И в форточку птаха «тень—тень»
Своё просвистит. Сколько в лете —

Теперь замечаю лишь я —
Форм, запахов, звуков и красок.
Природы мне ткань бытия
Приятней причудливых масок

Любых карнавалов людских
С игрою в людей, их позёрством,
Где новый герой – тот же скиф
С душою и дикой, и чёрствой.

Где удаль его, где разгул,
Опять отличить не смогу я.
Шум жизни похож стал на гул,
А я – я ищу жизнь другую,

Где тихо, покойно, светло,
Где книги и Лики в иконах,
Где чувств столько нежных и слов...
А шум – там, за рамой оконной.

Так хочется мне в жизни чуда!
А что на деле? – На столе
Всё та ж немытая посуда.
А мне самой – уже эн—лет.

Ещё на что—то я надеюсь,
Хоть почв и оснований нет.
Куда от них теперь я денусь —
Бездарно прожитых эн—лет?

Не из кокетства, а от страха
Боюсь озвучивать секрет:
Мечту лелею, что от краха
Спасут оставшихся эн—лет.

Для этого мне, правда, надо
Жизнь радикально изменить —
От ощущений до уклада,
Чтоб к эн—годам не семенить

С пустою – в вечность уж – кошёлкой,
Взяв в спутники себе склероз.
А чтобы золотом по шёлку
Венок успела бы из роз

Я вышить жизни в благодарность
За всё, чем так была щедра,
Чтоб предыдущих лет бездарность
Простил Господь мне у одра.

Изношенная вдрызг прошедшей жизнью,
Теперь ценю свободу, как никто.
Я помнить не хочу о катаклизмах:
Кто прошлым жив, страдает от икот.

Сегодня я забыла всё бывшее,
И думы тяжкие, и горечь прежних дней.
Приманкой новою в ловушку жизнь нас ловит,
И с удовольствием мы остаёмся в ней.

Свобода! Долгожданная свобода!
Я в отпуске теперь от пауков—работ.
Меня волнуют нынче сон, погода
И мелочёвка будничных забот,

Как—то: готовка, рынок, стирка
И штопка прохудившейся души.
Зато теперь живу не под копирку —
Костюм свободы вовремя мне шит.

Могу теперь саму себя я слушать,
А не давить: отстань, уйди, потом.
От грубых звуков жизни мои уши
Давно устали. Нет заслуги в том,

Что столько времени я внешний шум терпела,
А голос внутренний со временем хирел.
Душа, как в клетке соловей, не пела,
И свет её меня совсем не грел.

Судьба отвесила пощёчину крутую,
И пессимизм мой, как рукой сняло.
О том, что жизнь не вечна, памятуя,
Очнулась я, меня тут прорвало.

Я поняла, как жизнью дорожила.
Свобода в ней, как воздух, мне нужна.
Свою нашла я золотую жилу.
Теперь на пользу даже мне нужда,

Сомнения, неудачи и ошибки, —
Всё в жилу мне, поскольку она есть.
Эй, вы, залётные, пожалуйста, не шибко
Меня несите в лето с цифрой шесть

Свободе посвящается

Я не жила, а, словно срок свой «чаля»,
Когда сниму хомут долгов, ждала.
Не миновала ни одной людской печали,
И временами даже счастлива была.

Но что такое счастье без свободы?
Оно исчезнет, как нечаянная весть.
В свои теперь я понимаю годы:
Сама свобода – счастье уже есть.

Насиловать не надо ум и волю,
Снять с чувств своих привычную узду:
Гуляют пусть теперь на вольном поле,
Порой платя стихами свою мзду.

Теперь я никуда не тороплюсь,
Поскольку ясно уже: всюду опоздала.
Устала от работ, людей, — без сил валюсь,
Как будто только что приехала с вокзала.

И вместо вереницы дел, людей
Приятны только: мельтешенье мыслей,
Игра воображенья, мир идей —
Как после ливней радуг коромысла.

Мне некуда спешить и нечего терять,
Помимо прошлого, иллюзий и здоровья.
Приходится хоть с грустью, но принять —
За счастье малое большой платила кровью.

Не стоит больше тратить сил на суету.
Жди знаков: жизнь сама тебя направит.
А если выберешь ты вдруг стезю не ту, —
Судьба своим пинком твой путь подправит.

Я – «нащёвница», «напирожковница».
Не готовлю еду себе не из лени я.
И не тешу себя, что исполнятся
Все мечты мои по щучьим велениям.

Просто мне с утра что—то пишется,
Вдохновенье на рифмы расщедрилось,
И взалкала иной нынче пищи я —
Пегас—лошадь улыбкой ощерилась.

Вот исчерпаю все рифмы со строчками,
Тогда в гости пойду – звали к пище ведь.
Как коза—дереза, всё листочками
Я питаюсь, покуда мне пишется.

Не славы я хочу, но больше – пониманья.
Не нужен мне людской такой контрастный душ:
То равнодушья холод, а то восторг признанья.
Дороже мне настрой созвучных близких душ.

Я поделила б с ними и свой восторг и горе,
Листали б вместе мы альбом картинок бытия,
Превратностей судьбы, волнений жизни моря,
Чтоб в нём не одиноко так барахталась бы я.

Лишь когда туманный смысл
Жизни начал проясняться,
Проявилась в рифмах мысль:
Стал Пегас ко мне являться.

Хоть Пегас, я знала, – конь,
Только с крыльями, летящий, —
Врут, стихия он, огонь,
Оборотень настоящий.

То прикинется котом,
То цветком в траве увядшей,
То собакою, хвостом
Мне навстречу завилявшей.

Даже стаю ворон,
Золотой в закатном солнце.
Бесшабашный ветрогон,
Что стучишь в моё оконце?

У меня ведь уйма дел,
Мне ведь хлеб насущный нужен.
Это просто беспредел —
Рифмы плесть, забыв про ужин.

Дни мои не так легки,
Да и я сама не агнец.
Вот сижу, пишу стихи. —
Это, знаете, диагноз...

Жизнь в полтинник моя дала трещину, —
Я судьбы получила затрещину.
Поболела какую—то малость я,
А потом, ничего, оклемалась.
Стала книжки опять я почитать,
Капитал своих лет пересчитывать.
Их не так уж годков, чтобы слишком—то,
Но зато кое—что стало слышимым,
Что за чаем, как пить дать, за утреним
Мне нашёптывал голос мой внутренний:
Чем попало теперь не питайся ты,
Быть собою под старость пытайся хоть,
Хучь стихи сочиняй, а хучь – повести.
Не торгуйся, как прежде, ты с совестью.
Наступать на себя не полезно ведь, —
То чревато тоской и болезнями.
А и правда твоя, голос внутренний,
Задавила себя, как полуторкой.
День другою наполнится сущностью.
Мне успеть бы рукою трясущейся
Кубок жизни – какое там! – рюмочку
Выпить с радостью, а не в угрюмочку.
Потому ведь бывало так муторно —
Глас годами не слышала внутренний.
Жизнь начну с понедельничка новую —

Припоздавшую, но нехреновую.

Читая Бродского (1)

Что завораживает больше: ритм твой или рифма?
Я натыкаюсь, как пловец на рифы,
На те метафоры и образы, у коих
Так спрятан смысл, как бы зимы рукою
Засыпан основательно он снегом
(Буксует мозг, не тянет смысл телега), —
Как кость, которую лишь нюх собачий
В снегу учуять может, если нет, иначе
Она останется в сугробе до весны.
Но смысл уже, едва проникнув в сны,
Мешает спать и заставляет снова
Читать, разгадывать твой образ, слово.
Колодец бо глубок, но коротка верёвка.
Порой почудится над смыслом лишь издёвка,
Но чаще, всё ж, наоборот, — прозреньё
Моё сомнительное поражает зреньё.
Тогда откладываю книгу я, но не для
Того, чтоб не читать, но взгляд замедлить,
Продлить прекрасное мгновение познания.
Но ты не слышишь запоздавшие признанья.
Неточность вышла, то ль с рожденья датой,
Не то с судьбой моей, не сбывшейся когда—то.
Когда, дань страсти отдавая увлеченьям,
Плыла не против я, но больше вдоль течения.
Нам не дано, как видно, пересечься было,

Да и была б, скорее, встреча та унылой:
Ты, бывший зэк, – бог образа и слова,
А я – ошибка замысла и Божьего улова.
Мой скуден путь был до креста и храма.
Убогая без Бога лет прошедших панорама.
Сегодня, благодарная, к Нему я обращаюсь,
Что через книги хоть теперь с тобой общаюсь,
Расставшись навсегда и с юностью, и с томностью.
И в этом тоже был, наверно, Божий Промысел...

Читая Бродского (2)

Цежу за строчкой строчку, как вино, —
Прочувствовать, постичь, не проколоться б.
Понять их смысл — что заглянуть на дно
Загадочного тёмного колодца,

Когда нет зеркала вокруг или стекла,
В котором отразить душа себя могла бы.
Она от ноши жизни затекла,
Средь суеты и бед чуть не забыв о главном

Своём предназначенье — отражать,
Свою канву в рисунок дней вплетая;
Беременеть, вынашивать, рожать
Живое слово — чтоб сама была живая.

*«У него в прошлом было прекрасное будущее»
Из журнальной статьи*

Не знаю, как сбываются желанья,
Как исполняются надежды и мечты,
И обрастают плотью предсказанья,
Ни я не знаю этого, ни ты,

Судьбы своей случившейся везунчик.
Предчувствий раб иль воли и труда?
Рискач, смельчак, способный на безумство,
Идущий прямо к цели, лишь туда,

Способный видеть цель через туманы,
Невзгоды, трудности, преграды и года.
Рукой судьбы ведом? Самообманом?
Мечты других летучи, как вода.

Вон сколько в небе облаков из пара, —
То бывшее дыхание мечты.
Везенья не хватило им иль жара
Души, поддержки неба, красоты?..

Они плывут, вчерашние надежды,
В морозном небе, первозданны и чисты,

Не ставшие ни плотью, ни одеждой,
И с грустью смотрим вслед им – я и ты.

Жизнь подытожил стопкой книг.
Прочли. Понравилось. Забыли.
Прекрасен был букет, но сник,
И на бессмертнике – слой пыли.

Воспоминания о детстве

Там, в детстве

Я не знаю, сколько мне отпущено
Дней, недель, а, может, всё же лет...
Детство вспоминаю – жизнь под кущами.
Жаль, не взять туда уже билет.

Как родник с водою сладкой под обрывом,
Ивовой лозою оплетён,
Память детская хранит в душе обрывок
Уходящих в прошлое времён.

Помню первый запах детства—рая:
Аромат «Герцеговины Флор».
Их курила по соседству тётя Рая,
Не щадя сердечный свой мотор.

А по праздникам пекли на кухне «манник»,
Что вкусней сегодняшних тортов.
Пах счастливым детством он, и в манну
Превращался возле наших ртов.

А потом была деревня и раздолье

Летних пёстро—красочных лугов.
Дом – не «угол», а многоугольник, —
Самый тёплый и родной из всех «углов».

Я тогда во сне ещё летала —
То ли дух был невесом, а то ли плоть.
А теперь душа тяжёлой стала:
Крылья мельничные – хлеб земной молоть.

В детстве том остался чемоданчик.
Он же – и шкатулка—кошелёк.
Простотою с виду лишь обманчив,
Был загадочен, как первый мотылёк.

В нём хранились детские «секреты»:
Бусы, фантики, осколки стекла.
Через стёклышки я вглядывалась в лето:
Жизнь калейдоскопом там текла.

На рыбалку с марлей и дуршлагом
Мы ходили мелюзгу ловить.
Я тогда не знала о ГУЛАГе,
И считала: вечно буду жить.

Там мальчишки вырыли блиндажик,
Серный камень заменял искрой свечу.
А какие летом там пейзажи!
В зимнем сне над ними, может, пролечу.

В дождь грибной девчонкой босоногой
Приносила с луга горсть опят.
Запах райский был у них, ей—Богу,
Осеньял меня с макушки и до пят.

По оврагам там росли ромашки,
Их крупнее и красивей больше нет.
Не принцессой, чаще замарашкой
Выглядела я почти шесть лет.

По деревьям лазала мартышкой,
Был бурьян для прятков, словно лес.
А когда прочла впервые книжку,
Мне открылся книжный мир чудес.

В детстве быстро высыхали слёзы.
Там иду я в плюшевом пальто.
Всё менялось: люди, песни, грёзы,
Не меняется во мне лишь время то.

Там черёмух мощные деревья,
Речка там щедра на окуней...
Есть на карте лет моя деревня:
Детство золотое имя ей.

Вчера в городе детства

У русского не как у всех, Ивана—мужика,
А у меня, что дочь Ивана, – и подавно.
Сказал знакомый: видел майского жука.
Я счастлива: жук майский! Ах, как славно!

Уж изумруд листвы вовсю пленяет нас —
Берёт в полон глаза он, чувства, душу.
И у хозяек на окне быстрее бродит квас,
И на концерты соловьёв настраиваем уши.

Весна. Мы выбрались к родне на шашлыки.
Дымил мангал, на углях спело мясо.
Сиамский кот натачивал клыки,
А мы точили на веранде лясы.

.....

Попала в город детства я вчера.
Как повезло, что в нём родня осталась.
Мне вспомнить детство подошла пора
И посмотреть, что с городом тем случилось.

Стоят с облезлой штукатуркою дома,
Хотя местами есть и новостройки
(Не молодеда с возрастом и я сама).
Лишь вывески яркие – приметы перестройки.

Всё та же пыль, и памятник – Ильич.
Не «бровеносец», а тот, первый, нехристь Ленин.
А рядом храм, в который нёс кулич
Святить народ. Я стала на колени

Не перед церковью, не перед Ильичом,
А чтоб запечатлеть ту двойственность на плёнку,
А также школу бывшую, в которой кирпичом
Часть окон заложили и куда ребёнком

Ходила я, чтоб знания получать,
И с завистью смотреть через забор на Пасху,
Что верящие в Бога отмечать
Пришли, благословенье получить и ласку.

А нам достались флаги и значки:
Звезда и Ильичок в кудрях в кружочке.
Всю жизнь раскосы были не глаза – очки.
И как я рада, что Господь расставил точки

Над всеми «-измами» и идолами их.
Не надо в храм теперь смотреть через заборы.
И конспектировать не нужно лживых книг.
А можно в церкви слушать Ангельские хоры.

От идола до церкви – метров сто.
Как жаль, не довелось пройти ещё их в детстве.
Как жаль, что пьедестал нам заменял престол.

Но пережили ересь Заповедей десять.

Открыты нынче в церковь нам врата.
Над входом – Лик Иоанна Богослова.
«Христос Воскресе!» – птицею со рта
Слетает к нам Божественное Слово.

Воспоминание о детстве

Я помню, как пахла посылка из детства
С урюком, лимоном, сушёной хурмой.
Ах, этот настой! И мне некуда деться —
Он в детстве остался и – вечно со мной.

Посылка от папы и мамы, от моря,
Посылка от счастья, от жизни иной,
Где только восторг и ни капли нет горя,
Где воздух сладчайший пьянит, как вино.

Там волны играют блестящею галькой.
И время на миг возвращается вспять...
Стою я на кухне. Картинки на кальке
Мозгов. Мороз за окном двадцать пять.

Искусство. Творчество. Красота

Встреча с прекрасным

Как долог путь к искусству. Я его прошла.
Мне обещали встречу с ним во время оно.
Как бабочку, с надеждою пасла,
Я предвкушенье чуда в трубке телефона.

И вот звонок – судьбы звенит сигнал.
Он голосом звучал художницы Ирины.
Был праздник города в тот день – «базар—вокзал».
Чужие звали, мне не надо, я шла мимо.

Мне праздники свои лишь по нутру.
Я их в душе своей вынашиваю нежно.
Они – как солнца свет сквозь шторы поутру,
Как долгожданно—неожиданный подснежник.

Звонок раздался, так как час его настал,
Он предугадан был течением событий.
С собой беру я свой нехитрый капитал —
Стихи и фото – с красотой плод соитий.

Автобус полз, в нём с «капиталом» в рюкзаке

Я обливалась пóтом, не учтя погоды.
Плюс грел рюкзак в зажатом кулаке:
Компактно в нём мои лежали годы —

Часть в снимках отразившись, часть — в стихах.
Я ехала одна к прекрасному на встречу.
Дорога к чуду не была отнюдь тиха:
На площади у Ленина звучали чьи—то речи.

Там микрофон про город что—то лгал
И призывал сограждан к долгу и свершеньям.
Но от толпы дорога не была долга,
И фарс на площади её был завершеньем.

По лестнице с неспраздничным амбре
Взошли мы в мастерскую, что «на крыше»,
Внизу толпы оставив шум и сивый бред,
Реальность принимая ту, что выше.

Я погружалась в зазеркальные миры —
Плыла душа по облакам—полотнам,
Где, постигая дух фантазии игры,
Сама становишься в какой—то миг бесплотной,

Сливаясь с образом воздушным на холсте,
Проникнув в суть его, фактуру, цвет и запах,
И за виденьями уже не замечая стен.
Когда б спросили, не нашла б, где юг, где запад.

Пространства—времени я пребывала вне,
Но всё прекрасное в земном имеет точку.
Я ухожу, неся подаренные мне —
Час чуда и ещё – фигурку Ангелочка.

*... Опять «веники» припёрли из парка,
опять мусор выносить.*

Из разговора

Затем и собирала я букеты,
И отвоёвывала их у комаров и ос,
Чтоб на столе волшебствовало лето
И радовало глаз и чуткий нос.

А ты предвидишь – снова будет «веник»
И мусор от увядших лепестков,
Но в жизни красота – всегда мгновенье.
Она – как бы мираж среди песков

Зыбучих повседневности и быта,
Колючек, саксаулов суеты.
Она – как жизнь – была и вот забыта.
Но что есть жизнь, коль нет в ней красоты?!

Пришла на выставку. Увидевши картины,
Услышав флейту, расцвела душа,
Недавно выбравшаяся из тины,
Где жизнь не стоит и паршивого гроша.

Увидела: не всех ещё трясинной
Меркантилизма затянуло вглубь, на дно.
Художник жив, его душа – картина,
А пища – вдохновение одно.

Смотрела на полотна. Звуки флейты
Баюкали, бывшего боль глуша:
Не плачь, душа, о прошлом не жалея ты,
Смотри, как жизнь в полотнах хороша.

Она всё та ж, и всё—таки другая, —
Привычкой глаз, как катарактой, замутнён.
Здесь красота – воспоминанье рая —
Не ведает пространства и времён.

Её лишь научиться надо видеть,
Взяв непосредственность ребёнка, простоту.
Нас можно обокрасть, и обогатить, обидеть,
Но не отнять у жизни красоту.

В мастерской «На крыше» (1)

И.Бирюковой

В твоих полотнах – образ чувства,
Что вдохновением зовётся.
Созвучно мне твоё искусство —
Струною каждой отзовётся

Душа на красок сочетанья
Воздушно—матово—жемчужных.
Их не постичь: сие есть тайна.
А тайну раскрывать нам нужно ль?..

Здесь свет играет на свирели.
Цветы питаются тем светом.
А вот как будто птичьи трели
В кустах сирени. Это... Это

Непостигаемое нечто
Умом. Но чувствами – пожалуй.
Здесь так легко ложится вечность
На вдохновения скрижали.

В мастерской «На крыше» (2)

И.Бирюковой

В мастерской твоей пахнет краской,
И над дверью в рядок – холсты.
Оживают на них цветосказки,
Что на крыше придумала ты.

Как птенцы из яйца, Арлекины
Вылупляются – два близнеца.
Мир границ и деталей покинут —
Только цвета игра без конца.

Тут Венеция вся голубая,
Экзотических видов цветы
Или яблоки, будто из рая,
Где с мольбертом их видела ты.

А когда снова сходишь на землю,
Где деревья в пыли и кусты,
Отражёнью небесному внемля,
Контур кущ различаешь в них ты.

Здесь, «на крыше», легка атмосфера,
А реальности смутны черты.
Здесь иные пространства и меры

На холстах узаконила ты.

Вдохновение здесь зримо, поверь мне.

Облекаются плотью мечты.

Кто—то перья оставил под дверью.

Может, Ангел то был, не коты?..

Всё. Баста. Завязала с фотографией.
Нет денег лишних, покупать чтоб плёнку.
Не оскудеет и без фото биография.
Но... как я вспомню про забавного котёнка,

Лежащего вальяжно на асфальте?
Букет, пронизанный июньским чудным светом?
Собаку, показавшую мне сальто?
Луга, и лес, и небо в речке летом?

А как же радуга? Её я прозевала
О прошлом годе. Мыслила застать бы.
Природа столько шансов мне давала.
Могу ль неблагодарною к ней стать я?

Цветут люпины, колокольчики, ромашки.
И цапля в небе, а в руках – синица.
Пора мне, знаю, урезать свои замашки.
Но это лето мне уж не приснится...

Я посажу в заветном месте вербу,
И куст смородины, и что—нибудь ещё.
И буду жить с надеждою и верой,
Пока Господь свой не предъявит счёт.

Успел бы глаз запечатлеть все краски
Земных цветов, закатов, радуг, вод.
Пусть говорят про рай, что это сказки,
Но вот же он, ужель не видишь, вот!

Всё, что прекрасно, в том есть отблеск рая.
Чуть погоди: сады распустят цвет.
В душе такая будет радость неземная!
И пусть мне говорят, что рая нет.

Букет

Мне жаль, что лишь в душе художник я.
Когда смотрю, как высвечены солнцем
Цветы в букете – пёстрая семья —
Душа моя сама цветком к ним клонится.

Ночной фиалки так пленяет аромат —
Влюбленных спутник, романтических свиданий.
И формами и красками богат
Букет цветов, букет любви преданий.

Пион раскрыл свой цвет звездой в ночи.
Шиповник в пачке бальной – словно снится.
Ромашка жёлтый глаз открыла и молчит,
Слегка подрагивая белыми ресницами.

Вот колокольчик протянул свой синий клюв,
И солнечную язычком вкушает пищу.
Когда меняю воду им, шиповник: «Уколю!» —
Предупреждает, мои пальцы ищет.

Он – недотрога, и людских не терпит рук
И носа наглого, простите, не выносит...
Я понимаю, что цветам плохой я друг.
Оправдываясь: всё равно ведь скосят.

А нет – увянут, месяц – будто жизнь,
Пожухнут, потемнеют, огорошив
Своею неприглядностью – мир лжив! —
И львиный зев и для мышей горошек.

А так хотя б мгновенье красоты
Иссиня—жёлто—розово—пурпурной
Подарят мне чудесные цветы.
Их красота не поглотится урной, —

Она, как образ памяти, во мне жива:
Цветы в ней так же удивительно—прекрасны.
Я этой красотой дышала и жила,
И рядом с нею не казалась жизнь напрасной.

И всё ж мне жаль, что не художник я:
Букет увянет, красоты в тот день убудет,
А так хотелось вам дарить её, друзья,
И сохранить для тех, кто после в мире будет.

Лежат в шкатулке камешки цветные.
Ценны не сами по себе, но – для меня.
Своё тепло они мне дарят, как живые,
В них столько света переливов и огня.

Здесь родонит: он тёпл и томно—розов,
Вот бирюза – небесная слеза.
А это кварц – роса в ложбинках розы.
А вот нефрит – русалочки глаза.

Янтарь золотой хранит частичку солнца,
От многих защитит болезней, бед:
От зоба, кашля и простудного проноса,
И счастьем одарит удачи и побед.

Хрусталь прозрачен – тайный камень—призма,
Связующее космоса звено.
Есть сердолик – хранит от катаклизмов,
И аметист, чтоб в меру пить вино.

Вот слёзы нимф – морских печальниц – жемчуг,
А это – майский зелень—малахит,
Врачует от тоски он и от желчи,
Изводит неудачи и бронхит.

По—своему мне каждый камень близок,
Но ближе всех сегодня лазурит.
Чтоб мир не потускнел от жизненных коллизий,
Он мне о небе синим цветом говорит.

Времена года и настроения

Предчувствие весны

На решётке оконной сверкает солнце.

Птичка долбит замазку – еду.

И зимы—то осталось – на самом донце,

А весна придёт, «прощай» скажем льду.

И на север уйдут холода—морозы,

И растает сугробов сине—белая грусть.

И начнутся весенние метаморфозы.

А что слякоть пойдёт – ну, и что, и пусть.

Что с того, что весною слякоть, —

Только б солнышко припекло.

Мне по прошлому снегу не плакать:

Насмотрелась уже через стекло.

Я на толстой подошве ботинки

Лишь обую и – в путь по весне!

Заиграют цветами картинки,

Те, что снились мне в зимнем сне.

Брызнет каплей лазурной подснежник

И растопит в груди снежный ком.
Подмигнёт на пригорке прибрежном
Мать—и—мачеха жёлтым глазком.

В пух цыплячий оденутся ивы.
Краски рая прольются в сирень.
Ах, как будет кругом красиво!
Ах, скорей бы настал ясный день!

Будут люди готовиться к Пасхе:
Окна мыть и душою светлеть,
Чтобы в них милосердный наш Пастырь
Мог бы сверху с любовью смотреть.

Лето соткано из света,
Солнца, неба и цветов.
Как приятно видеть это
После белых зимних снов.

.....

Майский дождь омывает землю,
Почки лопнут на кустах,
Я зелёной песне внемлю
С благодарностью в устах.

В небе радугу развесив —
Как врата цветные в рай, —
Входит благостною вестью
К нам весна в родимый край.

Всё согреет, всех украсит,
Всем по—птичьему споёт.
Божий мир опять прекрасен.
Вот и лето настанёт.

Лето соткано из света,
И поры счастливей нет.
Дай, Господь, мне видеть это
Ещё много—много лет.

Сегодня зацвели герань, цикорий, мальвы,
И «кудри царские» оранжевым огнём
Горят средь зелени. Как лета жаль мне,
Что всё же кончится, и я останусь в нём

Со всем тем трепетным пред летом удивленьем,
И счастьем солнцем осиянных дней,
И чудесами, что «по щучьему веленью»
С такою щедростью дарило лето мне:

То новый цвет, то новый звук и запах...
И колокольчик в парке радостью звенит.
Восток милей мне летом больше, а не запад,
И солнце моё входит лишь в зенит.

Болтается купальник на верёвке, —
Уходит в прошлое купания сезон.
Изношены до дыр уже кроссовки,
И скошен не единожды газон.

Уходит лето, а за ним приходит
Не столько осень, сколько всё же грусть,
И мыслями моими верховодит,
И не противлюсь я: приходит, ну и пусть.

Приму я грусти ранние признанья, —
Она прозрачна, как осенняя река.
Не избавляют мудрость от неё, ни знанья,
Накопленные разумом в веках.

Прохладной свежестью из форточки потянет.
Всё реже будет солнышко светить.
Цветок последний на лугу увянет.
Уходит лето, как тут не грустить...

Сентябрь настал в природы пёстром крае.
Он сорит золотом в преддверии зимы.
На юг потянутся неспешно птичьи стаи.
От холодов к югам бы подались и мы, —

Да не дал Бог ни крыльев и ни денег:
Так легче душ бескрылых немощь познавать.
Он землю в белое к зиме для нас оденет,
Чтоб было чище и светлее зимовать.

Осенний воздух, как всегда, горчит от дыма, —
То дым иллюзий, что горят в кострах листвы.
И в путь осенний, неисповедимый,
Птиц проводив, отправлюсь я, увы...

Я с каждым годом всё трудней
Переживаю холод зимний,
И вереницу длинных дней,
И впечатлений бледных иней.

Ни чтение вялое газет,
Ни в цвете теле—мельтешенье
Не сводят скуку дней на нет
И не приносят утешенья.

Чтобы занять свой праздный ум,
Я опустила до кроссвордов.
Впасть в спячку мне мешает шум.
Сижу, как пёс с унылой мордой,

На поводке у холодов,
Сугробов снежных и морозов,
И жду гармонии ладов,
Что зазвучат средь скучной прозы.

Сигнал весне подаст капель
Настойчивой и звонкой нотой,
Ну, а когда придет апрель, —
Мы распрощаемся с зевотой:

Народ потянется в сады,
В леса, на речку, на плотину —
К источникам «живой воды», —
Забросив быт с его рутиной.

Прогулки с лёгким рюкзачком,
Общенье с матерью—природой...
Как хорошо – души сачком
Ловить, как бабочку, погоду!

Земля свои показывает фокусы,
Прогревшись солнцем, пробудясь от сна:
Возникли и цветут подснежники и крокусы. —
Подарки дарит нам волшебница—весна.

Жара. Пчела стремится к сотам.
И пух летит в глаза и в нос.
Жара и в розницу и оптом,
И на прохладу вырос спрос.

Цветёт акация у дома,
И липа набирает цвет.
И в теле – летняя истома,
И ранний сладостен рассвет.

Июньский кот в лохматой шкуре
Лениво дремлет целый день,
Поест, спросонок помурмурит,
И снова – в коридор иль в тень.

И в ожидании зарплаты
И долгожданных отпусков,
Мы ставим наскоро заплаты
На душу – лета из кусков.

Что дождь? – Явление природы.
Вода, небес холодный душ.
Но почему ж так сильно от погоды
Зависит состоянье наших душ?

Как свет и тень меняют настроенье!
Когда не видно солнца из—за туч,
Способен сердца изменить биенье
Пробившийся сквозь сумрак слабый луч.

После холодных дней июля

Вернулось снова лето к нам, а осень
С приходом пусть немного подождёт.
Её повременить ещё попросим,
Хоть знаем, с неизбежностью придёт.

И у неё припасены сюрпризы:
Плодов разнообразие и вкус,
И золото листвы, как в церкви ризы,
И стаи птиц – мечты людской искус.

В бутылках бродят, созревают вина
Из местных «изабелл», из тёрна, слив,
Чтоб скрасить дней пожухлую рутину,
Чтоб организм к зиме был терпелив.

Готовлю исподволь себя к терпенью,
И книги – пищу – загодя уму.
Пока же летних птиц я слышу пенье,
И осень торопить мне ни к чему.

В этот вечер, промозгло—туманный,
В расплывчатом свете огней,
Представляется жалким обманом
Всё, что жизнь и что связано с ней.

Редкий путник. Промокшие ноги.
Капель блеск, крики галок в лесу,
След машины на грязной дороге, —
В этот вечер с собой унесу.

*«Люблю отчизну я, но странною любовью...»
М.Ю. Лермонтов*

Пришла зима. А с ней – пурга—метель.
Зарозовели щёки от мороза.
И белая крутнулась карусель,
Неся привычные досады и угрозы.

Застыла жизнь в деревьях и кустах.
Сковало реку ледяным покровом.
Сквозняк гуляет в бывших людными местах.
Одно спасенье – под домашним кровом.

Залечь бы с книгою хорошей на диван,
Но что—то поскущнели разом книги.
И что в них, в книгах? – Слов игра, обман.
Воображенья плод, а, фигурально, – «фиги».

А включишь радио – источник новостей, —
Пугнёт то катастрофою, то взрывом.
И обсуждая темы слухов и вестей,
Мы шутим о себе невесело, с надрывом.

И первую приходит мысль – сбежать.
Куда? Зачем? И кто нас ждёт, «совковых»?

Нет рая на земле. Нам остаётся ждать,
Как приговора узник ждёт в оковах.

Лишь милость Божия дарует нам покой, —
Его искать напрасно в странах дальних.
Наш крест – любить свою страну такой
Любовью странною. Исход любви – летальный.

Слава Тебе, Господи!
Дожили до весны!
Будто бы сбываются
Сладостные сны.

Сны опять сбываются:
На дворе теплынь.
Холод забывается
И души полынь.

Травки тянут к солнышку
Стебли—лепестки.
Птички чистят пёрышки.
Проснулись мотыльки.

Голубой подснежник
Светит тут и там.
В сердце зреет нежность
К людям и котам.

Кот обнюхать ветку
Томно подойдёт.
Глазки, как конфетки,
И во взгляде – мёд.

Ловкая синичка
Семечку крадёт.
Засвистели птички:
К нам весна идёт!

Кустикам фиалковым
Радуетя глаз.
Хорошо бы, дай—то Бог, —
Не в последний раз.

Июль. Рассвет. С утра слова легки,
Как облака; слагаются в стихи.
И так же, как они, причудливо сплетаются
И в небе незаметно растворяются...

Вот поднимается над речкою туман.
Свистит пичуга, и собака где—то лает.
Не день, а просто сказочный обман!
И солнце, нестерпимо яркое, пылает.

«Макушка лета» радует теплом.
И земляникой пахнет рынок, и грибами.
И среди водорослей правя путь веслом,
По лету лодка жизни проплывает.

Осеннее

Бродила, впитывая осень.
Трав выцветающий ковёр
Теперь уже никто не скосит,
И падает созревший тёрн.

В аллеях непривычно пусто.
Желты, прозрачны тополя.
Летит листва, и ею густо
Усыпана вокруг земля.

Как бледен цвет осенней мальвы.
Краснеют яблоки в окне.
И уходить отсюда жаль мне —
Ведь часть меня в осеннем дне.

Осенью по Набережной от дома до работы

Голубое небо,
Синяя река.
Колесницей Феба
Смяты облака.

Мост висит подвесный.
Бегуны бегут.
В день такой чудесный
Чувства сами лгут.

Чёрный кот с обрыва
Смотрит, щурясь, вниз.
Воробей крикливый
Прыгнул на карниз.

Рядом у дороги
Валят старый дом, —
Уношу я ноги:
Пыль стоит столбом.

Редкий лист в аллее
Средь нагих ветвей.
А вдали желтеют

Маковки церквей.

Пролетит ворона,
Крылья распластав.
Под худую крону
Сяду я, устав.

Суету, разлуки,
Всё забыв, гляжу.
Не изведав скуки,
Долго так сижу.

Но темнеет небо,
Гаснут лес, река,
Колесница Феба
Скрылась в облаках.

Всё вокруг линяет,
Дождь на берегу.
Ветер подгоняет.
Я почти бегу.

Вот фонарь разбитый,
Мостик и гранит,
Чей—то знаменитый
Бюст на нём стоит.

Дальше – остановка.
Мимо, вся дрожу.

Дверь. Застряв неловко,
В здание вхожу.

Здесь темно и сухо,
И покой разлит.
Сонная старуха
На часах сидит.

Лестницей ажурной
Наверх поднимусь.
Комплимент дежурный
Вспомню и споткнусь.

.....

Ах, какое небо
Было и река!
Миг ушел, как не был,
Утонул в веках...

Природа стоит, ни жива, ни мертва,
Застыв в ожидании близкого солнца.
Спит в почках, как будто царица, – листва,
И ждёт, когда соки в движение тронутся.

И корни напоит, оттаяв, земля,
И птицы засвищут в преддверье бессонницы,
И вновь оживут и леса, и поля.
И я повторю: потерпи, будет солнце...

Я ни о чём не мечтаю,
И ничего не прошу.
Рада и птичьей стае,
И своему «шалашу».

Холодно ль, колос зябнет,
Жарко ли – всё благодать.
Летом согретый зяблик,
Так не хочу я страдать.

Мне надоели надрывы
Горькой славянской души.
Как хорошо у обрыва
Слушать плеск волн, камыши.

Видеть, как крупные капли
Лупят по лужам в грозу,
В небе – закатную цаплю,
И на цветке стрекозу.

В лес, словно в сказку заехать,
Трав и грибов насобирать.
Там прошлых горестей эхо
Нас не сумеет догнать.

Лета, волшебного лета,
Словно вина, пригублю.
С возрастом всё многоцветней —
Лета букет, что люблю.

Ранняя осень

Деревьев горбатые тени
На сморщенном зеркале вод,
И солнечных бликов смятенье,
Плывущий в реке небосвод...

Ловлю, как последнюю милость,
Сентябрьского солнца лучи.
Когда—то мне всё это снилось:
Вот осень в окно постучит.

И с гостьей неторопливой
Я буду подолгу смотреть
На луж неизбежных разливы,
На листьев пылающих медь.

И будет мне поздней наградой
За боль угасающих дней,
Как яблоко из—за ограды, —
Нежданность улыбки твоей.

И всё—таки солнце

Ноябрьское солнце не греет.
Ноябрьское сердце молчит.
От грёз и от счастья не млеет,
А так, по привычке стучит.

Последние листья с деревьев
Сорвут, разбросают ветра.
Замрут и стволы, и коренья,
Придёт ожидания пора.

Одни всё же солнца дождутся,
Весной оживут, как всегда.
Но жизни других оборвутся,
Их сломят морозы, года.

На что мне надеяться, поздней?
Придёт ли в мою жизнь весна?
Подарков мне ждать, или козней
Судьбы, или вечного сна?..

Но даже когда час настанет
Мне камни свои собирать,
Пусть солнце в моём будет стане,
Чтоб было светлей умирать.

Как беден цветом зимний лес.
Деревьев тёмные скелеты
В молочном мареве небес,
И память смутная о лете,

О красках осени золотых,
О терпких запахах весенних...
В окне вагона видишь ты
Запорошённый снегом ельник.

Горячий лоб прижав к стеклу,
Уйдя от праздных слов и взглядов,
С тоской безумной по теплу
Скользишь по зимнему наряду.

Взлетит сорока, снег взметнув,
Её проводишь ты бесстрастно.
Уходит миг, поймёшь, вздохнув,
И сожаления напрасны.

Весна. Май

Ты посмотри, какая красота:
Вот жёлтый лютик, а вот куст фиалок.
Разлито солнце, словно Божья доброта.
И лезет жизнь листочками из палок,

Из старых пней, асфальта, а из гнёзд
Звучат по—птичьи славословья Богу.
И тянется душа не к дальним светам звёзд, —
Благословляет в одуванчиках дорогу.

Лето пришло. Июнь

– Смотри, ещё рано, а в небе луна,
Хотя часа два до заката.
– Я видел. Три дня уж назад. Так она
Себе нагуляла бока—то.

Была она месяцем тощим тогда,
Луны половинкою стала...
Текут дни, как будто сквозь пальцы вода.
У лета так дней этих мало.

Прогретые солнцем, умыты дождём,
Живём в обрамлении радуг.
О, лето, тебя мы с надеждою ждём,
Ты всё – волшебство, сказка, радость.

Привыкнуть к тебе не даёт новизна
Сюрпризов, к раздаче готовых.
Твоя на подарки богата казна
Сербуро—малино—лиловых.

Опять наслаждаюсь я видом цветов.
Они появились, как чудо.
А скрипки цикад, а балет мотыльков!
А форм и раскрасок причуды!

Средь зелени роцц отсвистал соловей,
В болотах затихли лягушки,
Пустил паучок уже в дело свой клей, —
Свил сеть для охоты на мушку.

Луга обновляют сезонный наряд —
Цветут колокольчик и смолка.
Лесная охрана – оса копит яд.
Нектар хоботком тянет пчёлка.

Мелькают в небесной лазури стрижи,
Над речкою – белые чайки.
Народ у реки загорает, лежит,
В песке – тел, ступней отпечатки.

Прохладой сменяется к вечеру зной,
Луга отдают ароматы.
Кукушка, кукушка, нам песенку спой,
Годами чтоб были богаты.

.....
Нам лето Господь как награду даёт
За зимнее долготерпенье.
И, кажется, жизнь только что настанёт,
Когда соловьёв слышу пенье.

Купаясь в собственном поту,
Покрыты пухом мы и пылью,
Грешим на лета маету,
Мечты сбылись, мы их забыли.

То не заснём от комаров,
То слишком много песен, звуков,
То блохи скачут из ковров,
То шум от деток, то от внуков.

То солнце слишком жарит нас,
То ливень с головой накроет.
Огонь мечты в душе погас,
И сносит лето с «крыши» кровлю.

Опять Господь не угодил
До удовольствий людям жадным.
Уж он старался, он чудил —
В цветы и травы сыпал ладан,

Чтоб ароматом поразить,
И в небе радуги развесил.
А человек, что паразит,
Нудит по городам и весям:

Что, мол, опять стоит жара,
И от неё спасенья нету.
Ах, лето, чудная пора!
Давайте ж радоваться лету!

Оставив жизни смысл другим —
Фанатам ребусов—кроссвордов.
Живи, пока судьбой любим,
И даже если козью морду

Она покажет вдруг тебе,
Не плачь, не жалуйся на фатум.
За всё ты кланяйся судьбе —
Не будет ведь её когда—то.

Доволен тот, кто жизнь просёк,
Хоть била больно, не сломала.
Живи, чтоб жить. И это всё? —
Мне кажется, не так уж мало.

Будильник звенит и звенит: подымайся!

– Опять суетись, и тревожься, и майся...

Ах, как мне не хочется нынче вставать,

От утренних снов не остыла кровать...

– Вставай, вспоминай своё имя и отчество.

– Отстань, мир, отстань! Поиюниться хочется...

В тумане

Берега утонули в тумане.

Там, внизу, помню, – дом рыбака,

Но в оптическом этом обмане

Вдруг исчезли и дом и река.

Здесь – обрыв. Дальше призрачна местность.

Осторожно ступает нога

У молочной реки, в неизвестность,

На кисельные берега...

Разве про осень не всё ещё сказано?
Дождь ниже бусы на ветки рябин.
Тянутся будни телегой несмазанной.
Тихо всплывает тоска из глубин.

Мокнет бельё на провисшей верёвке.
Люди спешат, кто с зонтами, кто – без.
Тусклые дни, словно мыши—полёвки,
Прячутся в сумрачном своде небес.

Зимние мотивы

Мне бросив на ходу, что я увлечена,
Вы были, к сожалению, не правы:
Не чувству, разуму теперь верна, —
С меня довольно сладостной отравы.

Да ведь и Вы, призванье обрета,
С годами остывали к людям.
Почти бесстрастно дни мои летят.
Да и кого страдания не остудят!

Я не одна, но Вам ли, друг, не знать, —
И одиночество вдвоём бывает.
И справедливим мы должны признать,
Что время наши чувства убивает.

Там, где был цвет, созреет, верно, плод.
Привычка в новизне самой сокрыта.
И столько утекло уж в Лету вод,
И столько лиц и чувств давно забыто.

Кто хочет мало, тот недолго ждёт,
Приемля жизнь и с радостью, и с болью.
С утра сегодня редкий снег идёт.
И я иду, мой след посыпан солью.

Давайте выпьем за лето

Сделай меня веселей, виноград.
Соком своим отогрей мою душу.
Цвет её майский слегка тронул град,
Август же листья засушит.

Ну, а пока солнце входит в зенит,
И впереди – радость лета,
Песнями птичьими роща звенит. —
Эхо их в сердце поэта.

Лето катится в зенит,
Промелькнёт, как птица,
Отцветёт и отзвенит,
Полыхнув зарницей.

Вылиняет неба синь,
Лес наряд свой сбросит.
У берёз и у осин
О терпенье спросим:

Как нам выстоять зимой,
Как дожждаться лета,
Как не обмануться тьмой
И дожить до света?..

Что—то рано внезапной прохладой
Остудил нас сегодня июль,
Тёмных туч непрерывной осадой.
Будто дал нам осенних пилюль,

Чтоб о горечи дней не забыли,
В киселе не увязли б мечты,
Чтоб реальной дышали мы пылью
И в пыли собирали цветы.

Небо дарит нам скудные капли,
Но и этому радуйся ты.
Посмотри, над тобою вон цапли,
Как твои пролетают мечты.

Только сядут они на болоте,
Там и дом у них, там и еда.
У мечты крылья есть, а у плоти —
Ноги, почва земная, беда.

Как кувшинки в заливе красивы!
Утки свой набирают жирок.
Первый лист полетел в реку с ивы.
И охотник приладил курок.

Грустно мне констатировать это:
Приближается к осени жизнь.
Лето красное, тёплое лето,
Хоть ещё ненадолго, вернись.

С утра уж погромыхивали громы,
И сердце так сжималось в тоске.
А вот и дождь заговорил на ломаном,
Каком—то птичьим, непонятном языке.

Что хочет он сказать дрожащим листьям,
Дороге, крышам, мальвам и реке,
Роняя капли слов, так страстно и так быстро, —
На птичьим непонятном языке?

Быть может, это жалобы и слёзы,
И потому в грозу такой печальный вид?
Но как щедры потом поляны, птицы, розы! —
Быть может, это просьба о любви?..

Ещё раз про осень

С утра смотрю я на пейзаж в окне:
Деревья и кустарник пожелтевший.
Тоскою вновь сжимает сердце мне
Осенний клён, почти что облетевший.

Из жёлтых листьев пронесла букет
Немолодая женщина в берете.
Вот зонт мелькнул, его так розов цвет,
Как цвет мечты, которой нет на свете.

Скамейки тёмные весь день стоят пусты.
Старик с трудом раскуривает сигарету.
Дрожат от ветра и дождя кусты.
Какая грусть – картину видеть эту!..

Вот и пришли осенние дожди,
Хотя мы их не очень—то и ждали,
И лес не столь уже загадочен и дик,
И не манят нас синевою дали.

Не слышно птиц, ни певчих, ни ворон:
Попрытались, кто где, иль улетели.
И краскам лета нанесён такой урон, —
Их не восполнить позолотою метели.

День посерел, пожух, как те цветы,
Что радовали глаз в прозрачной вазе.
Как гостя редкого, теперь ждёшь солнца ты.
И жизнь себя готовит к зимней фазе,

Где холод, ветер, снег и гололёд,
И ночь длинна, и днём так мало света,
Где вместо птиц – мечты лихой полёт
Туда, где вечно солнце, счастье, лето.

Как всегда, отмечу флюсом
Наступление холодов.
У зимы так мало плюсов,
Как в норе хорька ходов.

Расползёмся по берлогам —
По протопленным домам.
Там работы за порогом —
И лопатам и ломам.

Затанцуют скоро выюги
На пустынных площадях.
Станут скучными досуги.
Никого не пощадят

Ветры резкие, морозы:
Подставляй, прохожий, нос,
Лоб и щёки, – будешь розов
Или бел, как альбинос.

– Что, голубчик, поскользнулся?
Приземлился? Ай—ай—ай...
Очень больно звезданулся?
Неотложку вызывай.

Вот чертяка, дворник—лодырь,
Сэкономил соль—песок...
А в больнице – боль да одурь,
Да с костыликом скок—скок.

Кто—то щёки обморозил,
Кто—то с крыши лёд поймал,
Кто—то в люк порою поздней,
Словно зверь в капкан, попал.

У зимы так мало плюсов,
А в глубинке – меньше всех:
Холод, травмы, грипп и флюсы,
А из плюсов – только снег.

Считают, нет плохой погоды у природы.
А я, признаться, всё же зиму не люблю.
И нелюбовь моя лишь крепнет год от года:
Из всех времён её одну едва терплю.

Опять бронхитный кашель, флюсы, спячка,
И снег, и ожиданье долгое весны.
И лишь газет растёт вокруг дивана пачка.
И явь скучней и прозаичнее, чем сны.

Не то весна – в ней столько жизни, света,
Тепла и песен, запахов, цветов.
А лето! Как люблю тебя я, лето!
Жизнь летом в сказочный пускается виток:

Луга душистым соблазняют ароматом,
Вода загадочной прохладою манит.
Раздолье и бескрылым и крылатым.
Земля и небо – как двухполюсный магнит.

Качается душа, как маятник, меж ними,
Поочерёдно их благодаря —
За то, что небо осеняет синим,
Зелёным покрывает всё земля.

И осень мне мила, что путь итожит,
И счёт свой золотом листвы ведёт.
И лишь зима мои печали множит,
Когда с ветрами и морозами придёт.

Любила б я, наверное, и зиму,
Когда б не грипп, бронхит и гололёд.
Живёшь и ждёшь, когда свой саван снимут
Река и лес, и вновь природа оживёт.

Набухнут почки – обещанье чуда.
Полезет зелень дружно из парной земли.
Куда ни глянь – победа жизни всюду,
И вдаль плывут мечты, как корабли.

Простые радости жизни

Да будет день!

С утра в окно уж солнышко мне светит.
Закрыв глаза, подсолнухом лицо
Под свет подставляю. Хорошо жить в лете,
Не помня зим, ханжей и подлецов.

Плеснуть в бокал, где кофе и цикорий,
Немного кипятка и размешать,
И аромат почувствовать кофейный вскоре,
И с наслаждением им минутку подышать.

Потом долить в бокал молочной пенки,
И выпить медленно, глотками, в тишине.
И тихо посидеть, коленка на коленке,
Пока строка рождается во мне.

Она придёт, не шатко и не валко,
Когда внутри покой и тишина.
Мне раньше времени на строчку было жалко,
И вяла без поддержки рифм она.

Теперь мне никуда спешить не надо.

Могу смотреть подолгу на рассвет,
Перемещаться мысленно монадой
В места, где я была, и в память лет.

Иль наблюдать, как сквозь ажурные шторы
Ложится свет узором на столе.
Или морские озирать просторы
На фото, яхт смотреть парад—алле.

Не хочется с утра мне строить планы
О том, как день грядущий провести.
Пусть будет просто этот день желанным
И с радостью в нём будет мне везти.

Я возвратилась домой

Как хорошо к себе домой вернуться,
Когда вояж свой исчерпает срок,
Хоть он не долгий был, скорее, куций,
В свой дом войти, где окна на восток.

Увидеть в них знакомые пейзажи,
Ажур акаций и рябин, и кроны лип,
Деревьев зыбких отражение в реке и даже
Услышать чутким ухом вёсел скрип.

Осваиваю вновь привычное пространство —
Отвыкла от него я за пять дней.
Хоть память комнаты хранит её убранство,
Но что—то новое вдруг появилось в ней.

И запах не такой, и в целом атмосфера
Несёт отсутствия меня в себе налёт.
Как свежкупленный костюм, я на себя примерю

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.